

Время перевалило за полночь. Ворота гаража медленно поползли вверх, повинаясь сигналу пульта. Пэй И въехал во двор виллы. Свет фар полоснул по двум темным окнам второго этажа, плотно зашторенным тяжелыми портьерами.

«Там находится главная спальня. Полноправный хозяин дома, должно быть, давно уже спит».

На столе в гостиной, бережно прикрытые глубокими фарфоровыми тарелками, ждали два блюда. Пэй И подошел и коснулся фарфора — тот еще хранил едва ощутимое тепло.

Приподняв край тарелки, он заглянул внутрь: жареные рисовые пирожки-няньгао с мягкопанцирным крабом по-южному и хрустящие свиные хрящики. Его любимые деликатесы. Неужели этот заботливый Босс лично оставил ему ужин?

«Жаль только, в столь поздний час все совсем остыло. Хрящики потеряли свой хруст и стали невкусными...»

В прихожей отчетливо пахло гуталином. На обувной полке красовались несколько пар его туфель. Похоже, тот, кто ждал его весь вечер, изнывал от скуки и решил привести обувь в порядок — начистил до зеркального блеска. Уход за этими ботинками у хозяина виллы явно был регулярнее, чем у женщин маски для лица.

Пэй И легко поддавался эмоциям, мгновенно загораясь чувством вины и нежностью, хотя вслух свои слабости признавать не любил. Из-за его вечной двусмысленной болтовни и флирта окружающие часто думали, будто его уязвимая зона находится совсем в другом месте. На самом деле его «G-точка» скрывалась глубоко в сердце.

У него защемило в груди. Пэй И опустился на корточки, касаясь гладкой кожи туфель, которая за пять лет разлуки, казалось, насквозь пропиталась тоской. Он бережно брал их одну за другой, вертел в руках, любуясь работой.

На внутренней стороне голенища каждого правого ботинка, прямо по светлой коже, тянулась цепочка крошечных тисненых символов — серийный номер. Раньше он никогда не приглядывался к этой детали.

«Что же это такое? Какой-то серийный номер?..»

Сзади скрипнула дверь. Пэй И оглянулся.

— Вернулся? — у входа в кабинет стоял мужчина в свободной домашней одежде — белой рубашке и легких брюках. Он хмуро разглядывал гостя. — Снимай те, что на тебе. Хорошую обувь нужно беречь. Я их тоже почищу.

— Угу, — Пэй И поднялся.

На долю секунды в его подсознании промелькнула робкая надежда. Разворачиваясь, он до безумия хотел увидеть совсем другое лицо — человека, с которым прошлой ночью случайно столкнулся на горной трассе. Своего прежнего соратника.

Но перед ним стоял Чжан Шаочи. В груди шевельнулся тихий вздох разочарования.

Эта мысль тут же уколола его чувством вины. Совсем распустился, обнаглел от чужой любви. На столе все еще ждал теплый ужин, а правое запястье Чжан Шаочи белело плотной повязкой — след недавнего нападения.

— Прости, что так поздно. У нас в отделе шло непрерывное совещание, — попытался оправдаться Пэй И.

Чжан Шаочи оставался бесстрастным, давно привыкнув к подобному:

— Все лучше, чем раньше, когда ты неделями пропадал неизвестно где.

— Виноват... — Пэй И тут же скользнул к нему, прижимая к косяку кабинета, и принялся ластиться, словно домашний кот. — Сильно запястье болит? Я места себе не находил от беспокойства...

Он прикусил воротник белой рубашки Чжан Шаочи, оставляя влажный след, а затем потянул его на себя, вовлекая в глубокий, тягучий поцелуй.

На Чжан Шаочи были свободные льняные штаны, низко сидящие на бедрах и приоткрывающие рельефную линию паха. Сверху облегающая белая майка обрисовывала мощный торс, но поверх нее — весьма некстати — красовалась наброшенная белая рубашка.

Картина была ясна: мужчина в одиночестве кис в кабинете, демонстрируя свои стальные мускулы в надежде на ночные ласки, но, прождав до полуночи и замерзнув от сквозняков, натянул первое, что попало под руку.

Пэй И отстранился, его лицо вновь стало серьезным.

— На шоссе нашли следы крови. Экспертиза готова. Нападавшим был Вэнь Юй, мой бывший подчиненный.

Огромное панорамное окно отражало их силуэты на фоне бездонного ночного неба, усыпанного холодными, колючими звездами. Казалось, каждая из них хранила свою зловещую тайну.

— Если лаборатория не ошиблась с ДНК, значит, дело в нем самом, — Чжан Шаочи поправил смятый воротник рубашки, на котором остался влажный след от поцелуя, и опустился на диван. — Разум, психика, мозги... или даже память. — Он прижал палец к виску. — Твой бывший телохранитель случайно не сошел с ума? Или просто лишился памяти?

Пэй И понимал, что Чжан Шаочи не шутит.

— Настоящий офицер не станет в один миг крушить то, во что верил годами, — рассуждал Чжан Шаочи, примеряя ситуацию на себя. — Предать своих товарищей, организацию, страну... Ранение в бою было настолько тяжелым? Два года — это долгий срок? Да ни черта не долгий. Я, блядь, пять лет прожил в неведении, и что, сломался? Предал тебя или забыл? Направлю я когда-нибудь на тебя дуло пистолета? Исключено. Это просто невозможно.

Пэй И промолчал.

Чжан Шаочи поправил белоснежный бинт на запястье:

— У него явно не все в порядке с головой. Последствие тяжелой контузии, trauma... Мозг поврежден, память стерта.

— Мы тоже подозреваем нечто подобное, — поспешил добавить Пэй И. — Возможно, Вэнь Юй находится под контролем какого-то нейрочипа. Это передовая военная разработка, над которой давно бьются спецслужбы ведущих держав. Говорят, эта штука способна форматировать нейронные связи, переписывать воспоминания и менять личность до неузнаваемости. Начисто стирать прошлое и насаждать чужую волю... Это объяснило бы, почему Нин Фэйюй и Хуан Юнфэн сначала бесследно исчезли, а затем превратились в марионеток. Жаль, оба мертвы, а Вэнь Юя нам пока не поймать. Вскрыть бы его черепную коробку да посмотреть, что там внутри...

— Поймать его? — Чжан Шаочи скептически усмехнулся. — У вас не будет шанса взять его живым, допросить или уж тем более расковырять ему череп, чтобы проверить твои догадки. Вы до него просто не доберетесь. Потому что...

Он небрежно взял с журнального столика пульт от телевизора и нажал на кнопку.

Пэй И мгновенно побледнел. Его лицо осунулось.

— Именно так все и обстоит, — подтвердил Чжан Шаочи, всматриваясь в полумрак комнаты. — Раз уж они сумели вшить в голову твоего лучшего снайпера чип, переписавший его личность, то установить туда же миниатюрный детонатор с дистанционным управлением им не составило никакого труда. Если тебе еще дорога жизнь этого парня и ты хочешь спасти его, прекрати загонять его в угол всеобщей облавой. Стоит вам прижать его — и его ликвидируют. Живым вам его не отдадут.

Горло Пэй И сдавило спазмом. Эти слова, словно острый клинок, вонзились прямо в грудь. Он не мог проронить ни звука.

Он слишком увяз в этом деле, боль от потери близких людей лишила его хладнокровия, затуманила разум. Но Чжан Шаочи, наблюдавший за всем со стороны, зрел в самый корень: из этого тупика не было выхода.

— Разве что у вас получится захватить его абсолютно незаметно для его хозяев, — Чжан Шаочи с сожалением покачал головой. — Но не забывай, против кого ты идешь. Перед тобой идеальная боевая машина, лишенная человеческих чувств и готовая в любую секунду спустить курок.

Пэй И застыл у обеденного стола, погрузившись в мрачные думы. Оставленный ужин окончательно остыл.

Только Чжан Шаочи сохранял ледяное спокойствие. Он не принадлежал к числу тех, кто ломается или впадает в панику от жизненных неурядиц, иначе давно бы сошел с ума за те пять лет вынужденного вдовства.

Мужчина наклонился, перехватил ногу Пэй И и принялся стягивать с него ботинок:

— Ладно, думай дальше над своей стратегией. А я пока займусь обувью.

За окном мерцали огни города. Внезапно в памяти Пэй И всплыли странные детали, словно разрозненные листы старой тетради. Он сосредоточился и спросил:

— Что там выбито? На внутренней стороне обуви?

— Ты о чем? — Чжан Шаочи удивленно приподнял бровь.

— Вот здесь, — Пэй И указал пальцем. — На каждом правом ботинке, внутри голенища, идет числовой код.

— Сам посмотреть не можешь? — уклонился от прямого ответа Чжан Шаочи.

Каждый раз, когда заходила речь о том, что Чжан Шаочи лично заказывал для него эту обувь по индивидуальной мерке, Пэй И накрывало волной жгучего стыда. Он торопливо щелкнул выключателем настольной лампы и при ее слабом свете принялся разглядывать тиснение.

На подкладке туфель из нежной светло-коричневой кожи красовалось клеймо фабрики, а рядом — выбитые цифры: «20140925».

Изящный силуэт, тончайшая выделка, благородный узор. Очевидно, из всех пяти пар эта была самой изысканной и дорогой.

— И что это значит? — недоумевал Пэй И. — Обычное число? Дата?

Чжан Шаочи не отрывал от него тяжелого, пристального взгляда:

— Да. Самая обычная дата.

Пэй И почувствовал себя неловко.

— Какое еще событие? Мы же расстались кучу времени назад. Еще за несколько месяцев до того, как я... пропал.

«Прости меня, гэгэ. Я вовсе не хотел причинять тебе боль. Просто тогда у меня действительно не было выбора... Но мои чувства никогда не менялись».

Чжан Шаочи негромко, словно пробуя слова на вкус, повторил:

— Расстались? Разве ты хоть раз произнес это слово? Разве я давал согласие на расставание?

Пэй И растерялся, не зная, что ответить:

— Значит... мы все еще вместе?

Чжан Шаочи нахмурился, его лицо сделалось суровым и жестким:

— Пароль от твоего личного канала связи... Почему ты выбрал именно эти цифры? Да так, что я сразу обо всем догадался? Почему?

Обычно красноречивый Пэй И сейчас лишь беспомощно хватал ртом воздух:

— Я... тогда на лайнере, когда взламывал твой сейф, чтобы забрать документы. Код оказался именно этой комбинацией. Раз уж ты выбрал эти цифры, они наверняка имели для тебя огромное значение, верно? Вот я и скопировал их для своего канала, просто на всякий случай — посторонний точно не догадается... Я все хотел спросить: как ты сразу понял, что датчик на моей лодыжке закодирован тем же числом?

— Я думал, ты тоже считаешь этот день важным, — Чжан Шаочи смотрел на него так, словно перед ним был умалишенный. Они говорили на разных языках.

Пэй И окончательно запутался.

Тяжелый, полный невыносимой боли взгляд мужчины пронзил его насквозь.

В этот миг невидимая плотная завеса, скрывавшая его прошлое, с треском разорвалась, являя взору зияющую пустоту. Привычная картина мира поплыла перед глазами, ментальные блоки заскрежетали, выстраивая ложные ассоциации. Все было не так. Все было ложью.

Чжан Шаочи долго всматривался в его лицо — с такой глубокой, щемящей тоской, что у Пэй И перехватило дыхание. Наконец мужчина хрипло произнес:

— В сентябре того года мы летали в Рим. Я устроил нам отпуск на юге Европы, мы объездили столько городов... Ты хоть что-то помнишь?

— Сентябрь... Гэ, какой это был год?

— Не притворяйся дураком. Две тысячи четырнадцатый.

Пэй И похолодел от ужаса.

С ним редко случались подобные приступы растерянности. В голове словно закрутились ржавые, заклинившие шестеренки, тщетно пытаясь зацепиться друг за друга и причиняя физическую боль. Они вращались в разные стороны, стирая остатки мыслей.

Глубоко в архивах его памяти, в самом темном углу, внезапно приоткрылась пыльная страница — обжигающе чистая, без единой строчки.

Они смотрели друг на друга с подозрением. Сначала каждый подумал, что партнер ведет какую-то тонкую игру, но затем обоих накрыл липкий страх: неужели у них прогрессирует раннее слабоумие? Сидя на расстоянии вытянутой руки, они внезапно оказались по разные стороны непроходимой пропасти, затянутой густым туманом.

На лицо Чжан Шаочи легла глубокая тень разочарования.

Именно разочарование.

Теперь стало ясно, зачем Чжан Шаочи возил его в Рим. Он надеялся, что Пэй И вспомнит все сам, покается в былых преступлениях, и они начнут все с чистого листа. Но тот даже не понял намека.

— Мы с тобой... Начиная с Афин, затем в Милане и Риме. Объехали несколько мест. Постоянно

были вдвоем. Спали вместе. По-настоящему, понимаешь? — голос Чжан Шаочи казался отголоском далекого прошлого. Он звучал глухо, устало, сочась застарелой обидой.

Ему было невыносимо тяжело ворошить былое. Мужское самолюбие бунтовало, заставляя чувствовать себя жалким просителем. Именно поэтому все эти месяцы он упорно молчал, решив сделать вид, будто ничего не произошло, раз уж Пэй И предпочел стереть их общее счастье из памяти.

Он не стал напоминать, как безумно они любили друг друга, как изнывали от страсти каждую ночь, замирая в объятиях в номерах роскошных отелей, и как Пэй И, задыхаясь, умолял «братика» не останавливаться.

«Неужели ты забыл все, что говорил мне тогда? Неужели человек, которого ты клялся любить, для тебя пустое место?» — кричал его раненый взгляд.

Годы невысказанной обиды отразились в этих покрасневших глазах яснее любых слов.

— За городом, прямо на склоне холма, усыпанном нежно-голубыми цветами... Это было совсем рядом с обувной мануфактурой. Потрясающий был день. Ты вел себя как сумасшедший, не давал мне шагу ступить, мы несколько раз любили друг друга прямо на траве. Я подарил тебе кольцо, а ты смеялся от счастья и обещал никогда не покидать меня. Мы решили не тянуть время, не возвращаться в Китай ради пышных банкетов и одобрения родни — все равно наш брак там никогда не признают законным. Мне было плевать на формальности. Я просто нашел местного священника, пару свидетелей, и мы обменялись клятвами прямо на смотровой площадке с видом на Колизей. Мужчины так и женятся: отдали друг другу честь и пошли по жизни вместе.

Чжан Шаочи слабо улыбнулся. Эти воспоминания оставались самым светлым пятном в его суровой жизни.

Пэй И словно громом поразило. Внутри все задрожало, слезы хлынули из глаз сами собой, обжигая щеки. Он судорожно прижал к груди туфли.

Так вот что это за обувь... Его свадебные туфли.

— Наверное, тебе все это показалось глупой шуткой. Решил, что я слишком легкомысленен, не преподнес тебе горы золота или бриллиант оказался мелковат, вот и передумал, — тихо закончил Чжан Шаочи.

— Гэ... я правда... ничего этого не помню... — Пэй И попытался встать, но ноги не слушались его, голова кружилась.

Чжан Шаочи вовремя подхватил его под колени, не давая упасть.

«Кто я такой? Мне что, стерли личность? Я что, превратился в безмозглого дурака?»

Его затрясло от жуткой догадки.

«А вдруг я ничем не отличаюсь от Вэнь Юя? Вдруг мой собственный мозг подвергся точно такой же жестокой чистке? Да, точно... Я ничем не отличаюсь от него. Я — еще один Вэнь Юй, послушная кукла с переписанной памятью».

Завеса тайны рухнула, обнажив уродливую правду. Все оказалось до ужаса просто и одновременно невыносимо больно.

Они посмотрели друг на друга. В их взглядах больше не было недоверия или лжи. Наконец-то все тайны, годами мешавшие им дышать, рассыпались в прах.

Пэй И, задыхаясь от слез, спросил:

— Что произошло двадцать пятого сентября?

— Не знаю, — Чжан Шаочи покачал головой, его глаза повлажнели. — Ты просто не пришел. Я простоял на смотровой площадке до самой темноты. Ждал, пока разойдутся последние туристы... На церемонию явился только один новобрачный. Второй сбежал, передумав связывать со мной жизнь.

— Но почему? Почему я не пришел? Как я мог отказаться? Зачем мне было это делать?!

Пэй И глухо застонал и рухнул на колени, согнувшись пополам от невыносимой душевной боли.

Казалось, ему выстрелили прямо в сердце, и он захлебывался собственной кровью. Рисунок паркета поплыл перед глазами, но сильные руки Чжан Шаочи крепко удерживали его, не давая провалиться в бездну.

— На следующий день мне прислали посылку в отель. Там лежало то самое кольцо. А следом пришло сообщение с твоего номера: мол, ты не готов к серьезным отношениям, не хочешь вешать на себя хомут и нам лучше расстаться... Я уже плохо помню детали. Помню только, что в ярости разбил мобильник о стену.

Воспоминания ранили, словно ржавый нож, кромсающий живую плоть. Чжан Шаочи шершавыми, мозолистыми пальцами коснулся лица любимого, нежно стирая хлынувшие слезы, и запечатлел несколько поцелуев на его щеках. Ему и самому стало легче, когда он наконец высказал все, что копилось в душе годами.

— Сообщение? Я отправил сообщение? И даже не позвонил? Ты не слышал моего голоса?

— Нет, — отрезал Чжан Шаочи. — Я пытался дозвониться сам, сотни раз. Но твой номер был заблокирован. Ты просто стер себя из моей жизни.

Чжан Шаочи всегда отличался гордостью и высокомерием, презирал дешевую фальшь и ни перед кем не преклонял колен. Но этот чертов мальчишка сумел перевернуть всю его душу. Никому другому Чжан-цзун не простил бы подобного предательства, но ради Пэй И он раз за разом переступал через собственную гордость.

Даже израненный, он не мог заставить себя отпустить его.

И Пэй И прекрасно это знал.

Пять пар туфель на обувной полке. Каждая пара соответствовала очередному году их несостоявшейся семейной жизни. Каждый год — новая пара, без единого пропуска.

Пэй И сжал голову руками, впиваясь пальцами в волосы. Он отчаянно пытался вырвать из пустоты хоть одну деталь, хоть один образ того проклятого дня, но перед глазами вспыхивали лишь белые слепящие пятна.

Мозг словно выжгло мощным взрывом. Была ли это избирательная амнезия после контузии или чье-то целенаправленное вмешательство? Пустота. Ни одной зацепки.

Для первоклассного оперативника спецслужб, чья работа напрямую зависит от феноменальной памяти и высокого интеллекта, подобное было худшим кошмаром. Самым изощренным оскорблением.

Он наотмашь ударил себя по щеке.

Боль обожгла лицо.

Размахнувшись, он вlepил себе вторую пощечину, затем третью, пытаясь силой выбить искру воспоминаний из заклинившего мозга.

Когда он замахнулся вновь, Чжан Шаочи перехватил его запястья, завел их ему за спину и крепко прижал к себе:

— Прекрати! Хватит! Мне же больно, дурачок...

На губах Пэй И выступила кровь, испачкав воротник белоснежной рубашки Чжан Шаочи. Он

бил себя со всей силы, не жалея лица.

За окном понемногу рассеивался ночной туман, обнажая чистое предрассветное небо. Чжан Шаочи вдруг тихо, облегченно рассмеялся, словно с его плеч наконец сбросили многотонный груз, который он тащил долгие годы:

— Значит... ты не собирался меня бросать?

— Конечно нет! — выдохнул Пэй И, прижимаясь к его груди. — Никогда в жизни!

Напряжение последних лет уходило, оставляя лишь звенящую легкость. Чжан Шаочи заглянул ему в глаза:

— И все это время ты любил меня?

Пэй И сжался, став похожим на провинившегося ребенка, пойманного с поличным:

— Любил. Всегда.

Чжан Шаочи кивнул. Больше слов не требовалось. Он верил ему безоговорочно.

Пэй И лихорадочно принялся ощупывать свои виски и затылок, пытаясь нащупать под кожей микроскопический шрам или углубление — след от хирургического вмешательства.

Чжан Шаочи вовремя перехватил его руки, мягко, но уверенно сжимая пальцы:

— С ума сошел? Перестань. Ты и так у меня дурачок, куда еще глупее?

— Я хочу выковырять эту дрянь! Хочу увидеть, что они со мной сделали! — яростно прохрипел Пэй И, его дыхание сбилось.

В последнее время мигрени и бессонница мучили его все сильнее. Где-то глубоко под черепной коробкой то и дело возникала тупая, тянущая боль, словно там действительно застрял крошечный кусочек металла.

Он привык терпеть. С его выносливостью и привычкой наплеватьски относиться к собственному здоровью он никогда не жаловался. А личный врач из Шестого специального отдела, разумеется, ни за что не раскрыл бы ему правду, даже если бы обнаружил инородное тело на рентгене.

В его голове тоже сидит этот проклятый жучок.

— Посмотри на себя, все щеки в багровых пятнах, — проворчал Чжан Шаочи, бережно сжимая его лицо ладонями. — Твое лицо принадлежит мне. Ты весь мой. Разве я разрешал тебе калечить мою собственность?

Теперь пазл окончательно сложился.

Чжан Шаочи взял полотенце, аккуратно стер кровь с его губ, а затем прижался своими губами к разбитому уголку рта Пэй И, нежно и бережно слизывая соленые капли, пока кровотечение не остановилось.

<http://bllate.org/book/19434/1999055>